

— Выпей воды. — Шэнь Мулинь помог ему сесть и поднес к губам стакан сладкой воды. — Открой рот.

Лу Юань действительно хотел пить. Он почти машинально выпил большую часть стакана, пока не почувствовал, что желудок вот-вот лопнет, и отвернулся:

— Нет, больше не хочу.

— Хорошо, лежи еще немного.

Лу Юань заметил, что находится в больнице. На тыльной стороне руки была закреплена игла капельницы. На мгновение ему показалось, что все это был долгий сон. Он прикрыл собой Шэнь Мулиня, был ранен, доставлен в больницу и, пролежав в коме, наконец очнулся.

Сюжет романа, казалось, не существовал, и все, что он делал, было лишь его собственным выбором в жизни.

Но Шэнь Мулинь сказал:

— Жизнь и смерть предопределены. Не слишком переживай из-за Сяо Юэ.

Жизнь и смерть предопределены.

Ты меньше всего можешь говорить это!

У Лу Юаня защемило в носу, и слезы невольно потекли по его щекам.

Шэнь Мулинь тихо вздохнул и вытер его слезы:

— Это бесполезно. Соберись... Завтра похороны Сяо Юэ, ты должен найти в себе силы, чтобы проводить ее.

— Линь-гэ, а если я умру, что ты будешь делать?

Когда Шэнь Мулинь носил очки, окружающие почти не могли понять его эмоций, но сейчас он сильно нахмурился:

— Не говори такого. Она умерла, а ты что, не будешь жить?

Лу Юань хотел жить, никто не хотел этого больше, чем он.

Он не собирался умирать ради И Хуаюэ, их чувства не были настолько глубокими, чтобы быть верными до смерти. Он просто хотел знать, что будет с Шэнь Мулинем после его смерти.

В том романе было описано только то, что после его смерти Линь Цзюцинь наконец оставила свою ненависть, и затем наступил счастливый финал.

Его смерть была как камень, брошенный в океан, не вызвавший ни единой волны.

Слова Шэнь Мулиня снова лишили Лу Юаня любопытства. Он пошевелился, спрятал голову под больничное одеяло и снова заплакал.

Ребенок, который всю жизнь прожил в тепличных условиях, даже от малейшего ушиба чувствовал боль.

Шэнь Мулинь смотрел на него, легонько похлопал по плечу и через некоторое время сказал:

— Когда закончится эта бутылка с глюкозой, я отвезу тебя домой, чтобы не беспокоить дедушку.

Шэнь Мулинь хорошо знал Лу Юаня. Он всегда точно находил его слабые места.

На самом деле, с любым человеком Шэнь Мулинь поступал так же: находил их слабости и извлекал из этого максимальную выгоду, всегда побеждая, никогда не проигрывая.

Плач Лу Юаня наконец прекратился. Он всхлипнул и выглянул из-под одеяла красными глазами:

— Я больше не хочу, чтобы мне капали, давай вернемся...

Шэнь Мулинь посмотрел на почти пустую бутылку с глюкозой, кивнул и вызвал медсестру, чтобы та сняла капельницу.

Когда медсестра вынимала иглу, он рукой прикрыл глаза Лу Юаня, чтобы тот не испугался и не почувствовал боли от вида.

— Линь-гэ... — Лу Юань сидел на краю кровати, прижимая ватный шарик к месту укола, и медленно спросил. — Ты отвез меня в больницу, дедушка знает?

— Не волнуйся, он не знает. Я забрался в твою комнату через окно и тихо вынес тебя.

Только теперь Лу Юань заметил, что на черном костюме Шэнь Мулиня было много пыли.

Забраться на второй этаж было довольно опасно.

— Пойдем.

Шэнь Мулинь отвел Лу Юаня домой, чтобы тот переоделся в черный костюм, а затем они пешком направились к дому семьи И.

Два дома были недалеко друг от друга, и эта дорога была той, по которой Лу Юань ходил все дни их с И Хуаюэ отношений. Всего два дня назад он провожал ее домой.

Прошло меньше двух дней, и все изменилось.

— Сяо Юань.

Шэнь Мулинь вдруг позвал его. Лу Юань обернулся и спросил:

— Что?

— Ничего... Просто знай, что в этом мире всегда происходят неожиданные вещи, которые мы не можем контролировать. Все, что мы можем сделать, — это уменьшить вред для себя. Ничто не важнее тебя самого.

Лу Юань знал, что он утешает его.

Его слова были такими правильными. Что может быть важнее самого себя...

Лу Юань посмотрел на затуманенные глаза Шэнь Мулия за очками и с трудом выдавил улыбку:

— Я понял.

Во дворе дома семьи И уже был установлен траурный зал. Женский плач в тишине ночи звучал особенно печально.

Лу Юань глубоко вздохнул и вошел.

Члены семьи И, увидев его, сначала замерли, а затем их глаза наполнились слезами.

Наверное, они думали, что если бы И Хуаюэ не ушла так рано, в будущем она была бы рядом с ним, в белом свадебном платье, с счастливой улыбкой, а не лежала бы сейчас в узком темном гробу...

— Сяо Юань, иди сюда. — Увидев сына, Сун Чжаоди, помогавшая рядом, поспешила подойти и провела его в траурный зал.

Гроб И Хуаюэ стоял в центре зала, на столе лежали хризантемы, курильница и черно-белая фотография.

На фотографии И Хуаюэ сияла улыбкой, ее глаза были живыми, и это ранило сердце Лу Юаня, словно иголками.

Еще чуть-чуть, и они бы встретили рассвет вместе.

Лу Юань взял благовония, которые кто-то подал, трижды поклонился перед гробом, а затем вставил их в курильницу.

Он обернулся и увидел мать И Хуаюэ, которая смотрела на него с беззвучными слезами.

— Тетя... — Слова утешения застряли в горле. Лу Юань вдруг понял, что ничего, что он скажет, не сможет утешить эту женщину, потерявшую дочь.

Он не знал, что будет с Шэнь Мулинем после его смерти, но точно знал, что его родители будут самыми несчастными людьми на свете. Эта боль не исчезнет со временем, она будет гнить, и каждый раз, вспоминая его, они будут чувствовать, как их плоть разрывается на части.

...

Когда Лу Юань очнулся, он уже стоял в кругу младших членов семьи.

Все наперебой утешали его, большинство искренне, но несколько человек смотрели на него с едва скрываемой злорадством.

Лу Юань не хотел говорить. Он молча отошел в безлюдный угол и сел на покрытые мхом каменные ступени.

Было холодно.

Даже в разгар лета холод проникал в кости.

Лу Юань подумал, что, возможно, душа И Хуаюэ еще не исчезла, или, может быть, она была

рядом с ним, или даже вернулась в ту комнату, где увидела тот роман, и снова стала молодой.

Эта мысль немного согрела его.

— Сяо Юань, поешь чего-нибудь.

Лу Юань поднял голову и увидел Чжоу Сихэ и Шэнь Мулия.

Красивая пара, идеально подходящие друг другу.

Видимо, смерть И Хуаюэ действительно помирила их после ссоры.

— На. — Чжоу Сихэ сунула ему в руки миску с теплой кашей. — Дядя И знает, что ты два дня ничего не ел, только что вышел из больницы, и специально велел приготовить для тебя.

Чжоу Сихэ тоже хорошо к нему относилась, боясь, что семья И обвинит его за то, что он пришел так поздно, и специально сказала об этом отцу И.

Лу Юань впервые за долгое время мыслил ясно.

Он зачерпнул ложку каши и сунул ее в рот вместе с ложкой.

Каша из черного риса, варилась недолго, не такая мягкая, вкус был не очень.

Лу Юань невольно вспомнил, как они с И Хуаюэ впервые завтракали вместе. Он сказал, что может за один раз съесть два сяолунбао.

Каша больше не лезла в горло.

Чжоу Сихэ заплакала рядом, прикрывая рот рукой, издавая тихие всхлипы.

Ты чего плачешь! Это из-за тебя!

Лу Юань знал, что его мысли были слишком предвзятыми, но не мог с собой справиться.

Он положил ложку обратно в миску и с силой поставил ее в сторону.

...

К утру И Хуаюэ должны были похоронить. Семья И боялась, что ее, такую молодую, обижали бы злые духи, поэтому решили похоронить ее в семейном склепе, чтобы предки присматривали за ней.

В четыре утра большинство людей во дворе уже разошлись, в траурном зале остались только родители И Хуаюэ и ближайшие родственники, остальные сидели в доме, уставшие и ожидая.

Лу Юань тихо вошел в комнату И Хуаюэ. Она была уже убрана, ее вещи сложены в большие пакеты, чтобы потом сжечь и отправить в загробный мир.

Человек умирает, как гаснет свет.

Свет погас, но лампа осталась.

Но если лампа погасла, она больше не нужна.

Смерть И Хуаюэ сделала Лу Юаня слишком чувствительным, любая мелочь могла его расстроить.

Он чувствовал, что это утомительно.

Если так продолжится, он точно умрет, даже не дожив до тридцати лет.

Лу Юань отчаянно хотел избавиться от этого состояния.

Тук-тук-тук.

Дверь тихо постучали. Лу Юань обернулся и увидел Шэнь Мулиня, стоящего на пороге.

Шэнь Мулинь, похоже, очень боялся, что Лу Юань может наложить на себя руки, и не отходил от него ни на шаг.

<http://bllate.org/book/16406/1486036>